УДК 82
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-9-114-125

«Любите Россию!»: русский Харбин в воспоминаниях Н. Николаевой

Е. В. Капинос, Е. Н. Проскурина

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена книге воспоминаний Н. Николаевой «Японцы», вышедшей в 2016 г. в Огре (Латвия). Это мемуары харбинки, дочери русского офицера, оказавшегося в Китае после отступления и поражения армии Колчака. В работе сделан обзор тех образов «уходящей натуры», которые запечатлелись в памяти мемуаристки, и показано, как осмыслены ею судьбы восточных эмигрантов, сколь точна харбинская топография, отраженная в тексте. Особое внимание уделяется повествовательной фактуре мемуаров Н. Николаевой и композиции ее книги. Сюжет сосредоточен главным образом на воспоминаниях детства Н. Николаевой, совпавшего с годами японской диктатуры в Северо-Восточном Китае. Этим воспоминаниям посвящена первая часть. Вторая включает в себе биографии родителей и родственников Н. Николаевой, а также рассказ о возвращении семьи из Харбина на родину в 1954 г. Документальная книга Николаевой рассматривается в контексте художественных воспоминаний о Харбине (в частности, на фоне «Кати китайской» Д. А. Пригова, романа, написанного по воспоминаниям жены писателя, харбинки Н. Буровой), а также на фоне поэзии А. Несмелова, цитатами из стихотворений которого насыщены мемуары Н. Николаевой.

Книга образно представляет важнейшие моменты истории Китая и русскую историю XX в., связанную с биографией отца Н. Николаевой и с биографией самой Н. Николаевой, рассказывающей о возвращении своей семьи в Россию, о впечатлениях, полученных ею от родной страны, о которой она так много слышала в Харбине, но которую никогда не видела и не знала. Параллели русской и харбинской жизни, проводимые автором мемуаров, исключительно интересны и скрывают за собой параллели между старой, дворянской (атмосфера дореволюционной России сохранялась в Харбине вплоть до середины XX в.), и новой, советской, Россией. Рассказ о возвращении на родину неотступно сопровождается темой несходства советского образа жизни и мышления с тем, к чему привыкли харбинцы, воспитанные в рамках не пролетарской, а дворянской морали. Но Н. Николаева никогда не высказывает сожаления о том, что вернулась на родину, а ее фраза «Любите Россию!» в посвящении к книге – не пустые слова. Эта книга о любви к родине: и к России, и к русскому Китаю, навсегда утраченному, оставшемуся только в воспоминаниях.

Ключевые слова

культурный трансфер, русский Харбин, мемуаристика, Н. Николаева, повседневный быт русского Харбина, А. Несмелов, роман Д. А. Пригова «Катя китайская», сюжетика харбинской прозы

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера»

Для цитирования

Капинос Е. В., Проскурина Е. Н. «Любите Россию!»: русский Харбин в воспоминаниях Н. Николаевой // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 9: Филология. С. 114–125. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-9-114-125

“Love Russia!”: Russian Kharbin in the Memoirs of N. Nikolaeva

E. V. Kapinos, E. N. Proskurina

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

This article is a detailed review of N. Nikolaeva's book *The Japanese*, published in 2016 in Ogre. *The Japanese* are memoirs of a Harbin Russian, the daughter of a Russian officer who found himself in China after retreat and defeat

© Е. В. Капинос, Е. Н. Проскурина, 2020

of Kolchak's army. The article gives an overview of the images of a 'vanishing nature', which the memoirist managed to capture in her works, shows how deeply she understood the fate of the eastern emigrants, how precisely the topography of Harbin is reflected in the text. Special attention is paid in the article to a variety of narrative texture of N. Nikolaeva's memoirs and thoughtful composition of her work. The plot focuses mainly on the memories of Nikolaeva's childhood, which coincided with the years of Japanese dictatorship in North-Eastern China, the first part is devoted to her childhood memories. The second part contains biographies of parents and relatives of N. Nikolaeva, as well as a story about the return of her family from Harbin to their homeland in 1954. N. Nikolaeva's documentary book is considered in the article in the context of artistic memories of Harbin (in particular, compared to *Katya Kitayskaya* by D. A. Prigov, a novel based on the memories of the writer's wife, a Harbin Russian, N. Burova), as well compared to the poetry by A. Nesmelov, whose poems are full of quotes from the book by N. Nikolaeva. The parallels between Russian and Harbin life outlined by the author of the memoirs are exceptionally interesting and represent the parallels between the old, noble (the ambient of pre-revolutionary Russia remained in Harbin until the mid-twentieth century), and the new, Soviet Russia.

Keywords

cultural transfer, Russian Khabrin, memoiristics, N. Nikolaeva, daily life of Russian Khabrin, A. Nesmelov, D. A. Prigov's novel *Katya Kitayskaya*, story lines of Khabarin's prose

Acknowledgements

The work was done with the support of the Russian Science Foundation grant No. 19-18-00127 "Siberia and the Far East of the first half of 20th century as a space for literary transfer"

For citation

Kapinos E. V., Proskurina E. N. "Love Russia!": Russian Khabrin in the Memoirs of N. Nikolaeva. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 9: Philology, p. 114–125. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-9-114-125

Среди уже известных нам мемуаров харбинцев ¹ книгу Н. Николаевой «Японцы», изданную в Огре (Латвия) в 2016 г. [Николаева, 2016. С. 2–251] ², отличает то, что она написана от лица самого младшего, последнего поколения, покидавшего свою восточную родину в середине 1950-х гг. Н. Николаева не застала расцвета русского Харбина 1920-х, не принадлежала к литературно-художественным или театральным кругам русского Китая, не была знакома с их прославленными деятелями, – напротив, она, родившись в Харбине в 1931 г., стала свидетельницей угасания восточной ветви русской эмиграции. Воспоминания дочери русского офицера, заброшенного в Харбин гражданской войной, необычайно интересны самобытным взглядом на среду, в которой выросла героиня, описаниями ее повседневной жизни, точно переданной атмосферой русского эмигрантского востока, еще сохранявшейся в Харбине в 1940-е гг.

Детство героини пришлось на период японской оккупации Северо-Восточного Китая (1931–1945), отсюда и название книги – «Японцы», но эта тема появляется не сразу. Поначалу рассказ сосредоточен вокруг «маленького мирка» юной героини: жизнь семьи, быт жителей улицы, на которой выросла девочка, – японцев, китайцев, корейцев... Пестрое национальное окружение оказало влияние на всю ее дальнейшую жизнь, определив толерантное отношение к любой нации: «С рождения детям никто не только не вколачивал в голову, что они белые или желтые или еще какие, но никогда ни в быту, ни в школе мы ни на секунду не задумывались, что рядом <...> учились, дружили, влюблялись другие национальности» (с. 10). Потому, заметим, и диалог с другими, сколь угодно чужими культурами, приобретал в Харбине естественный, ненасильственный характер.

Первые главы книги состоят из описаний самых ранних детских впечатлений и игр: «Наш двор я вспоминаю, как мой первый "театр"... Двор был – большая сцена, и действующих лиц за день набиралось множество. Они делились на постоянных – жильцов квартир и проходящих – продавцов, покупателей и умельцев, мастеров своего дела» (с. 10). Китайцы готовили пампушки «мантоу», которые казались девочке особенно вкусными, «если внутри оказывался коричневый сахар сырец» (с. 10); корейцы – «тянучки из чумизной патоки, пересыпанные

¹ См., например, воспоминания Л. Андерсен [2006. С. 245–314], Ю. В. Крузенштерн-Петерс [1968. С. 45–70], В. Перелешина [Russian poetry..., 1987. Р. 3–157], В. Слободчикова [2005. С. 3–427] и др.

² Ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страницы в круглых скобках.

рисовой мукой, чтобы не слиплись» (с. 10), соседка-японка угощала сваренным на пару душистым рисом. Из «приходящих» в течение дня появлялись сапожники, вокруг которых собиралась детвора, «готовая часами созерцать, как это деревянные маленькие гвоздики вбиваются в новую подошву» (с. 11), паяльщик, починивший старый таз и фарфоровый чайник, «выдувальщик всяких разных фигурок петушков из коричневой сладкой патоки» (с. 11) и др. Все это интересно подробностями, мельчайшими деталями, которые сохранила память взрослого человека, запечатлевшего мир, увиденный глазами совсем еще маленькой девочки, с любопытством прослеживающей, например, весь процесс починки фарфорового чайника, к которому паяльщик сначала «пристрочил» носик с помощью тонкой проволоки – дрели, а затем «в просверленные отверстия вставил какие-то невидимые заклепки, и чайник опять стал новый!» (с. 11). Мир для ребенка весь нов и необычен, поэтому для него появление корейца было слышно за версту: «он в руках держал большие ножницы и лязгал ими, и звук получался цр-цр, цр-цр» (с. 10). Извлеченные из памяти и воспроизведенные как бы изнутри сознания маленькой Наташи, эти картины придают начальным главам вид едва ли не детской книжки, оправдывая посвящение, предпосланное книге: «Моим любимым внучке Вике и правнуку Алену. Любите Россию!» (с. 1). В то же время «детский взгляд» не мешает автору обрисовать детально жизнь русской диаспоры в Харбине, представив образ этого города в его контрастах.

Как известно, Харбин изначально создавался как русский город: когда по договору 1897 г. была построена и начала функционировать Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), ее центром и стал Харбин, генеральный план застройки которого разрабатывался в Санкт-Петербурге [Шевцова, 1993. С. 32], а за основу была принята модель русских городов. Проектировщики выбрали для центра Харбина самую высокую точку, где стояла Свято-Николаевская церковь в Наньгане. От нее лучами расходятся шесть основных направлений: восток – запад – юг – север – северо-запад – северо-восток, – ставших главными улицами города. Такая концепция городской планировки, «согласно которой за отправную точку берется главное сооружение или центральная площадь, от которой лучами расходятся улицы по основным направлениям, воплощает русский градостроительный стиль и особенность русских городов. Она сильно отличается от традиционной модели строительства древних китайских столиц, например, таких как Пекин и Сиань» [Мяо Хуэй, 2015. С. 129] (см. также [Дин Сян, 2018; Забияко и др., 2015] и др.). Но если по градостроительной концепции Харбин напоминал Москву, то по названию улиц – Петербург. Здесь были Садовая, Первая линия, Вторая линия, Большой проспект и др., что послужило основанием именовать город, наряду с «Восточной Москвой», «Восточным Петербургом».

В книге Н. Николаевой много довольно точных сведений о городе, топографию которого можно легко представить и без карты. Подробно описываются набережная Сунгари, Пристань, центральные улицы Харбина. Среди «культурных» мест изображены Комсоб («Коммерческое собрание»), где ставились спектакли, знаменитый харбинский кинотеатр «Модерн» и кинотеатр попроще «Ориант», а также Желсоб («Железнодорожное собрание»), где устраивались детские праздники и взрослые балы, сад Желсоба, Зеленый базар. Не остались незамеченными юной Наташей уютные кафе и даже знаменитые рестораны и кабаре, о которых девочка знала, скорее, по рассказам взрослых, чем по собственным впечатлениям. Часто упоминается в книге частная гимназия М. А. Оксаковской, где учились старшие подруги мемуаристки: в русском Китае 1940-х гг., в отличие от СССР, продолжалась традиция классического гимназического образования.

Большая, очень интересная и ценная в плане исторической памяти тема книги – жизнь православного Харбина. Здесь описываются не сохранившийся до нашего времени (разрушенный в 1966 г.) главный – Свято-Николаевский – собор, закрытая в начале 1960-х гг. Офицерская церковь Иверской Божьей Матери (в ее ограде был похоронен генерал Кап-

пель)³; рассказывается о том, как готовились православные верующие к празднованию Рождества и Пасхи, как проходили Пасхальные и Рождественские службы, «именинные» праздники Св. Веры, Надежды, Любви, Св. Екатерины, Св. Николая. Читая эти страницы, невольно возникает желание сравнить их с описанием православных святынь и праздников в романе И. С. Шмелева «Лето Господне». Сбережению христианской традиции, кстати сказать, не препятствовало японское правительство в Маньчжоу-Го.

Несмотря на то что все важнейшие точки русского Харбина подробно обозреваются мемуаристкой, ее «личные» воспоминания более провинциальны: ее семья жила на окраине, в Саманном городке. Эта часть города не отличалась благоустроенностью, о чем свидетельствуют опубликованные в книге фотографии. Коровы, свиньи, куры, гуси наполняли хозяйские дворы, а главным местом, где играли дети, был Овраг. Именно эти страницы воспоминаний, связанные с родительским домом, родителями и друзьями, овеяны особым теплом.

Ностальгическая тема очень сильна в тех главах книги, в которых Н. Николаева рассказывает, как она, приехав в Харбин спустя полвека после отъезда со своей китайской родины, не может узнать мест, где она выросла, не может найти ни прежних зданий, ни старого кладбища, где, пишет она, «вечным сном спали первые строители изначального Харбина, первые, как говорили, землепроходцы. <...> Да... напрасно надеялся харбинский поэт Несмелов, когда представлял, как забежит на кладбище с фонариком иностранный турист и будет читать надписи на могилах почивших героев – первостроителей города. Все кануло в вечность, как будто никогда и не было. И это, не одну тысячу раз отпетое и освященное молитвами по усопшим, место заняли живые живущие» (с. 129). Русское Успенское кладбище было разрушено во время культурной революции, в 1966 г., но закрыто на девять лет раньше, в 1957-м, поэтому некоторые могилы русского некрополя все-таки сохранились: их успели перенести на кладбище Хуаншань.

Автор упоминает здесь стихотворение Арс. Несмелова, одного из самых известных поэтов восточной эмиграции:

...Ты забытое отыщешь,
Впишешь в скорбный лист,
Да на русское кладбище
Забежит турист.

Он возьмет с собой словарь
Надписи читать...
Так погаснет наш фонарик,
Утомясь мерцать!

[Русская поэзия Китая, 2001. С. 329–330].

Воспоминания о Харбине Н. Николаевой перекликаются с восприятием города Несмеловым, где также ведущими мотивами являются его тепло, домашность. Несколько строк из этого стихотворения с его «провидческой темой исчезновения русской диаспоры, растворения ее в китайской среде» [Ли Иннань, 2002. С. 283] напечатаны на обложке книги. Несмелов цитируется не только в этом месте воспоминаний – его стихи вынесены в заглавия частей книги («Последняя российская верста ушла на запад...»), цитатами из его стихов «прошит» весь текст, и появляются они в точках наивысшего сюжетного или эмоционального напряжения. Эти цитаты передают присущее всем харбинцам ощущение общности, причастности всего, что запомнилось мемуаристке о самой себе и людях, которые ее окружали, уникальному периоду истории русской эмиграции, воспетому основателем «харбинской ноты». Совершенно неслучайно одна из ключевых глав книги, посвященная отцу, заканчивается постскриптомом о кончине Несмелова: «Он погиб от инфаркта в пересыльной тюрьме в г. Гродеково в 1945 году» (с. 263). Судьба отца Н. Николаевой оказалась счастливее: он

³ Сейчас Офицерская церковь Иверской Божьей Матери отреставрирована.

и его семья вернулись в СССР уже после смерти Сталина, что помогло им избежать трагической участи многих русских харбинцев. Но в память о них главу об отце мемуаристка закончила упоминанием о смерти самого известного харбинского поэта.

Знаки японской культуры появляются в мемуарах Н. Николаевой как часть харбинского быта. Живя рядом с русскими и китайцами, японцы отличались «удивительным умением быть деликатными в обыденной жизни. Они были ненавязчивы, вежливы и обходительны с теми, кто к ним касался. В большинстве случаев мужья были заняты делами и всегда отсутствовали, дома были жены с детьми. <...> Находиться в их женской компании было просто и приятно, и мы легко находили общие интересы. А они заключались в том, как красиво одеться и как приготовить какое-то японское блюдо и красиво его подать» (с. 69). Побывав в гостях у соседей-японцев, Наташа запомнила и белизну выстиранного и накрахмаленного рисовой мукой белья, и красоту праздничного кимоно. «И вот, как-то меня пригласила к себе в гости соседка японка, и они вместе с другой соседкой обрядили меня в настоящую японку. Надели кимоно... красивый пояс оби, сзади большой бант. На ноги – белые носки с отдельным большим пальцем специально для гета, и гета, нарядные, на сплошной подошве со слегка приподнятым каблучком, блеск!.. Я стала... девочкой-японкой!» (с. 68).

Отметим, что к своей книге Н. Николаева приложила небольшой словарь, в котором приводит толкования китайских и японских слов, бывших в ходу у харбинцев: «Туяза – прощенная соя. Кит.», «Чумиза (искажено сяомицза) – мелкий злак, как пшено. Кит.», «Хунхуза – красная борода (дословно), разбойник... Кит.». Иногда приводятся пояснения слов и названий, известных любому харбинцу: «Чурин – универсальный магазин Ивана Яковлевича Чурина», «Чулин – искаженное *Чурин*. Кит.» (с. 349). Читатель, который, может быть, и ранее знал некоторые из этих слов, овладевая жаргонизмами в языке русских харбинцев, начинает отчетливее представлять себе и реалии, которые за ними стоят.

Насколько естественным было для юной героини принять особенности японского и китайского быта, настолько чуждым оказался ей официально-идеологический стиль японских оккупантов. Школа, в которой она училась, находилась в ведении Японской Военной Миссии, диктовавшей распорядок и стиль жизни: «как на свете жить, что и кому учить, кому и как кланяться и как строго соблюдать японские порядки» (с. 133). После молитвы «Царю Небесный», с которой начиналось школьное утро, вспоминает мемуаристка, происходило чтение Императорского Манифеста. Манифест выносил директор, шедший с опущенной головой, держа документ на вытянутых руках, одетых в белые перчатки. «Мы тоже должны были опустить головы долу <...> стояли терпеливо и мечтали скорее разойтись по классам. <...> Была в этой ситуации чудная молчаливая игра: чертить на спине пальцем или палочкой впереди стоящей девочки буквы алфавита, которые ей надо было угадать и тихо объявить сзади стоящей. <...> Так незаметно проходило нудное каждодневное выслушивание морали» (с. 134). Хотя здесь же Николаевой делается оговорка, что такое «великолепное качество» японской морали, как недопустимость опоздания и несдержания данного слова, остались для нее правилом на всю жизнь.

Еще одним ритуалом – «жертвенными работами», казавшимся детям тяжелой повинностью, – была уборка памятника павшим японским воинам (Чуреито), проходившая во время летних школьных занятий. Но уже по их собственной инициативе, и в этом им никто не препятствовал, «жертвенные работы» завершались уходом за могилами русских воинов, погибших в Русско-японской войне.

Так постепенно из разрозненных вроде бы фрагментов детских воспоминаний начинает выстраиваться вполне цельная историческая картина, в которой находится место и политике. Например, глава под интригующим названием «Ки-ова-кай» содержит рассказ о «таинственной двери» в актовом зале школы, за которой «жил Ки-ова-кай». Это слово со страхом и вполголоса повторяли взрослые, а дети гадали, кто скрывался за жуткой дверью, кого называли этим жутким именем. Подходить к ней и тем более открывать таинственную дверь было строжайше запрещено – до тех пор, пока не закончилось японское владычество. В фи-

нале главы тайна открывается, и оказывается, что «Ки-ова-кай» – это «Общество единения», таинственная деятельность которого заключалась в отслеживании «политических настроений в Маньчжурии» (с. 142), а за непреступной дверью лежали груды книжек общества, содержавшие в себе компромат на инакомыслящих, – не только русских, но и китайцев. После освобождения Маньчжурии они оказались никому не нужны, и в условиях бумажного дефицита дети обменивали их на сладости.

Другая глава с не менее интригующим заглавием «Дом привидений» рассказывает о съемках фильма «Мой соловей» с известной японской актрисой Ли Сянлань в главной роли. Фильм предназначался русским харбинцам и был снят кинокомпанией «Маньэйн» на русском языке с привлечением русских актеров. Сейчас этот фильм стал предметом исследования историков и искусствоведов (см.: [Катасонова, 20175; Мельникова, 2010]), тогда же, в 1940-х, представлял собой пропагандистскую попытку связать русскую тему с японской, поскольку японцы, оккупировавшие Маньчжурию, хотели завоевать расположение русской эмиграции; «вокруг фильма кипели шпионские страсти, за съемочной группой и актерами приглядывали две разведки, советская и японская» [Мельникова, 2010. С. 198]. Но все это было неведомо маленькой харбинке, она запомнила сюжет и красочность кинокартины: «Герой этого фильма, а роль его играл певец Саяпин, живет со своей маленькой воспитанницей, ставшей ему приемной дочерью, девочкой-японкой с русским именем Маша, которая потеряла родителей во время гражданской войны в Китае. <...> Девушка-сирота учится пению у своего приемного русского отца. <...> В фильме был изумительный эпизод. Зима. По заснеженной березовой аллее в санях, запряженных тройкой лошадей, едет названный отец со своей воспитанницей, она поет: “Не шей ты мне, матушка, красный сарафан...”», и серебряный японский голосок «звенит колокольчиком среди зимней сказки!» (с. 72–73).

Самое удивительное, что съемки фильма проходили в Саманном городке, в заброшенном доме, стоявшем совсем неподалеку от дома Николаевых и окруженном одичавшим садом: «...на противоположной стороне на углу стоял дом странной постройки, не похожий на другие дома. Он казался таинственным замком, куда от нашего дома было рукой подать, только перейти Владивостокскую улицу наискосок нашей Иманской. Ходить туда было таинственно и жутко» (с. 70). Легко себе представить восторг девочек Саманного городка, прибежавших в кинотеатр посмотреть фильм, снятый на соседней улице: «Потом, когда фильм уже шел в кинотеатре “Модерн”, мы, жители Иманской и Владивостокской улиц, не без гордости ходили смотреть его и говорили: “А вот наискосок живет Ксения Сорокина, а рядом – я, девочки Алейники, так и вовсе напротив, это наш дом привидений”» (с. 73).

Наконец, в главе, названной «Вместо эпилога», есть намеки на страшные действия «Отряда 731» (спецотряда японских вооруженных сил, проводившего испытания биологического оружия). В первой истории рассказывается, как однажды летом, якобы в целях профилактики от холеры, юной героине и ее матери, насильно загнав их в амбулаторию, сделали некую очень болезненную прививку. Придя домой, мать тут же достала водку и, выпив сама, заставила то же сделать Наташу – в качестве противоядия. «Не знаю, – признается героиня, – какое действие она возымела, эта рюмка, только помню, радовались, что не попались на их удочку» (с. 212). Вторая история случилась через шесть лет, когда уже повзрослевшая героиня попала на прием к зубному врачу, который умело удалил ей зуб мудрости, а позже избавил от случайно оставшегося в ранке осколка. Но вскоре произошло нечто ужасное: «доктор, который спас меня от заражения полости рта, избавил от нестерпимой боли и был так добр ко мне, сделал своей семье и себе “харакири”» (с. 213). Молва объясняла это событие тем, что доктор по приказу властей тайно прививал своим многочисленным пациентам рак. «...Сколько бы человечества отправили на Тот Свет с помощью бактериологической войны, не случись бы ее быстрой развязки на Дальнем Востоке...» – сокрушается Н. Николаева. Но вместе с тем японский врач-убийца оказался для нее «последним человеком, оставившим под конец добрую память о японцах» (с. 213).

Несомненно, отношение русских харбинцев к японской оккупации было очень сложным: сначала – радостное приветствие японской армии, связанное с надеждой на ее цивилизующую роль и ожиданием, что Япония, приняв деятельное участие в борьбе с коммунизмом, окажет военную помощь «почти уже сошедшему на нет дальневосточному белопоповстанческому движению»⁴. Все это не сбылось, и «через несколько лет, особенно после вынужденной продажи советской стороной своих прав на КВЖД, японское давление на русских стало настолько усиливаться, что привело в результате к их массовому оттоку из Маньчжурии на юг Китая, в города Шанхай и Тяньцзинь»⁵. Но этот сложный период жизни русских харбинцев остался за пределами повествования Н. Николаевой, рассказавшей «только малую частицу жизни при японцах», по причине, прежде всего, возраста юной харбинки: «с его высоты и виделось малое» (с. 212).

Композиционно книга четко делится на две части: первая, главная часть – детские воспоминания о Китае, похожие на книжку для детей; вторая – история семьи и возвращения на родину уже взрослой героини, сопровождающаяся серьезными размышлениями относительно как харбинской жизни, так и жизни в СССР. Символично выглядит то, что книгу автор подписала своей девичьей фамилией – Николаева (фамилия автора в замужестве Лалетина), специально тем самым подчеркнув свою причастность и к судьбе отца (и семейной истории), и к истории изгнания и возвращения на родину восточной эмиграции. Две части книги автономны, что, по-видимому, объясняется желанием автора не смешивать воедино картины прошлого, такие, какими они запомнились в детстве, с документальной историей своего рода, с генеалогией, восстановлением которой занимаются сейчас многие харбинцы и их потомки.

История семьи, изложенная в мемуарах, чрезвычайно любопытна, она может служить наглядной иллюстрацией истории русского Харбина. Мать Н. Н. Николаевой, Е. И. Круль, оказалась в Китае ребенком, она росла вместе с городом, но, конечно, не чувствовала, как и другие харбинцы, приехавшие в Китай до Октябрьской революции, никакой оторванности от Родины: «...уже была построена железная дорога и налажено движение Харбин – Владивосток... А во Владивостоке жизнь была ключом. Бухта “Золотой Рог” сверкала разноцветием огней, на рейде стояли иностранные корабли, лилась музыка, а в лавочках продавали французскую пудру “Лебяжий пух”, духи и помаду» (с. 256). Что касается отца, Н. Д. Николаева, то его путь в Китай был другим: в 1916 г. юный выпускник школы прапорщиков был призван на фронт, а в канун Октябрьской революции остался верен тому, кому присягал: Царю и Отечеству. Поэтому он и отступал с 3-й армией Колчака под командованием Каппеля, терпя лишения и болезни, получив от соотечественника пулю, повредившую плечо. После ранения он, оказавшись в Харбине без денег и крыши над головой, измученный тяготами войны, ночуя под перевернутой лодкой на берегу Сунгари, вынужден был зарабатывать на жизнь любой поденщиной. Постепенно молодой офицер, мужественно преодолев все трудности, встал на ноги, обзавелся семьей, купил дом в Саманном городке.

Ясная память мемуаристки сохранила не только пережитые ею самой события, но и рассказы отца о его приключениях и даже о снах, которые снились ему первое время в Харбине: «снились немцы в гробах, и покойники просили подвинуться» (с. 261). Сон не относится к области фактов, но значим ничуть не меньше реальных деталей прошлого, символически обобщая событийный план и позволяя читателю представить эмоциональное состояние тех, кто, пройдя фронты Первой мировой и Гражданской войн, оказался в относительно спокойном месте.

История русской революции входит в книгу вместе с портретами родителей мемуаристки и многих других людей. Даже случайные встречи, подаренные ей судьбой, она смогла запечатлеть так, что становится понятным особый менталитет харбинцев, абсолютно не схожий

⁴ Гончаренко О. Г. Русский Харбин. URL: <https://culture.wikireading.ru/59266> (дата обращения 10.06.2019).

⁵ Там же.

с менталитетом тех, кто не покидал Родину. Вот портрет любимого учителя химии: «Добродушный Федот прощал нам многое – разговоры, подсказки, даже невыученный урок, но страшно было, если кто-то пытался на уроке грызть семечки... В его воспоминаниях о... революции все вокзалы, все сборища большевистские – это семечки, шелуха, грязь, разруха», символически означающие «крушение всего самого светлого и святого» (с. 234).

Многолика галерея портретов жителей Саманного городка. Вот, к примеру, чета аристократов Постниковых: днем «Посничиха-подполковница» беспечно беседует о чем-то с мужем по-французски, гадает на картах, забавы ради, соседским девочкам, рассказывает им о прошлой жизни: выездах в свет, балах с шампанским, пышных нарядах. А вечером – доит корову Красульку и сбивает, вручную, масло. По воскресеньям в гости к «барыне» приходят нарядные сестры – бывшие фрейлины Императорского двора. А между тем главные испытания еще впереди: как только заканчивается война, умирает муж Посничихи, а двое ее сыновей арестованы в 1945-м и отправлены в советские лагеря. Старуха остается одна и, чтобы не умереть с голоду, берет к себе на постой бедную и многочисленную китайскую семью, которая мгновенно превращает ее дом в грязную фанзу, оставляя хозяйке только сундук на кухне да ежедневную чашку соевой пасты.

Заканчивается книга возвращением семьи Николаевых в Россию: исход и возвращение – это типовой сюжет харбинской прозы. В Харбине русские живут мечтой об оставленной родине, после возвращения в Россию память о Харбине и Китае становится образом счастливого прошлого – тем более что, вернувшись, харбинцы находили совсем иную страну, не ту, о которой им рассказывали родители, и родная страна, конечно же, совсем не ласково встречала «китайцев». В книге Николаевой этот общий для всех харбинских мемуаров сюжет так же хорошо прослеживается, как, к примеру, в романе Д. А. Пригова «Катя китайская», написанном по мотивам харбинских воспоминаний его жены, Н. Буровой. Характерно, что харбинские дети стараются в тех или иных сценах китайской жизни «смутно угадать», прозреть свою родину, подобно приговской Кате: «Девочка угадывала... какие-то отдаленные, завораживающие черты своей неведомой родины. Вернее, родины своего отца, доставшейся ей по наследству в виде виртуальных образов и искренних переживаний» [Пригов, 2013. С. 686], – но, возвращаясь, встречаясь с родиной въявь, они, вопреки ожиданиям, попадают в совершенно незнакомый и вовсе не столь яркий мир, какой рисовало воображение: «За окном бежали плоские пейзажи. Через некоторое время ее взгляд уже не следил за законное усыпляющее однообразие. Да, изрядно притомили долгие дни путешествия и эта, почти тотальная, смена всех знакомых жизненных, визуальных и тактильных привычек и ориентаций. Прямотаки буквальный переход из одного мира в другой» [Там же. С. 745].

Почти ровесница Н. Николаевой, героиня «Кати китайской» тоже вернулась на родину своего отца в 1950-е гг., а родилась и выросла в русском Китае. У Пригова, поскольку он пишет все-таки роман, от самого его начала и до конца интенсивно взаимодействует множество планов повествования: рассказ о детстве героини, прошлом и будущем ее семьи, об истории России и истории Китая, о судьбах предков и потомков – все эти планы развернуты одновременно. Кадры из прошлого, будущего, из снов и реальности, из жизни героини и из биографий других людей постоянно тасуются, подменяя друг друга, умножаясь друг в друге, то становясь четче, то расплываясь. В книге Н. Николаевой, напротив, разные планы аккуратно отделены друг от друга и хронологически выстроены – мемуаристке было очень важно сохранить документальную точность.

Не отрицая роли советской пропаганды в решении вопроса о возвращении на родину (а такая пропаганда активно велась среди русского населения Китая через школы, молодежные и другие общественные организации), Николаева называет и другую причину возвращения – русское воспитание, приверженность русской культуре, русскую самоидентификацию, любовь к родине и желание встретиться с ней. Причем это желание было общим для всей семьи: и для отца – бывшего белого офицера, хотя он и опасался репрессий по возвращении на родину, и для матери, приехавшей в Харбин ребенком, но скучавшей по России все годы

жизни в Китае, и для их дочери, родившейся в Харбине и полюбившей этот родной для нее город. Не единожды в книге повторен рассказ о том, как отец мемуаристки, выйдя из поезда на первой русской станции, целует родную землю: «И он вернулся... На станции Маньчжурия-Отпор, где сходятся две колеи – узкая и широкая, он, припав к земле, целовал ее и сказал: “Я вернулся к тебе, Россия”» (с. 263).

Однако родина приняла семью Николаевых сурово: пришлось заново искать кров, работу, обзаводиться хозяйством. Никаких жалоб на неустроенность в тексте нет, напротив, есть свидетельства высокой меры «самостоянья» людей, которые смогли не только выжить как в тяжелых условиях эмиграции, так и в не менее тяжелых условиях возвращения, но и сохранить свою принадлежность среде интеллигенции, свою способность рефлексировать и помнить, передавать эту память младшим поколениям, неся при этом, что тоже немаловажно, оптимизм и толерантность, приобретенную в мультикультурной среде.

Один из самых впечатляющих эпизодов темы возвращения – глава о работе на Омском мясокомбинате, куда, за неимением другого выхода, Николаевой пришлось устроиться. Описанное ею посещение убойного цеха «убойно»: «Там на сезон набирали молодых ребят, проходивших практику, из ПТУ. Они безобразничали, превращая работу в издевательства над бедными животными... Потом долго не могла прийти в себя от увиденного» (с. 289). Здесь Н. Николаева невольно повторяет довольно частотный литературный мотив скотобойни, свежевания туш, осмыслявшийся русскими классиками. Стоит вспомнить «Телячью голову» И. Бунина или «Ювенильное море» А. Платонова. Этот мотив – своего рода символическая красная печать смерти и насилия. В документальном романе о конвейере Московского мясокомбината имени Микояна «Мясо» (1936) авторы Б. Пильняк и С. Беляев констатируют, что о серьезной и страшной теме – скотобойне – пишут не часто: «О непосредственном производителе военных работ никто, нигде не обмолвился ни словом, – обо всех этих заводных, нутровщиках, сторонщиках, насакалах, шлемовщиках, пинзельщиках, калибровщиках, шкуророщиках, свиношпарильщиках и прочих. Ни социологи, ни военноведы, ни ветеринары о них не писали. А людей этого ремесла было несколько десятков тысяч человек... О них ничего не известно. Небольшое количество поэтов писало о военных рабочих страшные стихи, в частности, Михаил Зенкевич:

Пред десятками загонов пурпурные души
Из вскрытых артерий увлажняли зной.
Молодцы, окончив разделку туши,
Выходили из сараев за очередной.

Тянули веревкой осовелую скотину,
Кровавыми руками сучили хвост.
Станок железный походил на гильотину,
А пол асфальтовый – на черный помост...
[Пильняк, Беляев, 1936. С. 25].

С тяжелыми и страшными первыми впечатлениями советской жизни в книге всегда соседствуют другие, смягчающие тональность рассказа, которая все время меняется. Это разнообразит повествование, лишая его однотонности и тенденциозности, так что можно и не заметить или не придать значения некоторым эпизодам, которые, конечно, не случайно запомнились мемуаристке. Например, она рассказывает о том, как ее, молоденькую харбинку, плохо понимающую законы новой для нее жизни, на том же Омском мясокомбинате опекают две немолдые женщины: «Этих немногословных... женщин звали Таня и дядя Ваня. Я сначала не могла сообразить, что за клоунада, пока не услышала их историю: они были после отсидки “в местах”, и отпущенные на волю, так и остались со своими привязанностями. Бывало, на коротком отдыхе, сидя где-нибудь в уголке, целовались. Ко мне они относились как к младшей помощнице, в обеденный перерыв стараясь накормить чем Бог послал» (с. 287). То, что сначала показалось молодой харбинке «клоунадой», неожиданно открывается в качестве во-

все не смешной, а трагической и «запретной» темы – той, что никогда не окажется в мейнстриме русской литературы и официальной культуры, зато отражена в лагерной прозе и лагерной мемуаристике. В мужском имени одной из лесбиянок – «дядя Ваня» – запечатлена лагерная традиция: некоторые из изуродованных лагерным бытом женщин брали себе мужские имена и принимали мужской облик. Вот как это описывают сами узники сталинских лагерей: «Некоторые женщины, наиболее мужеподобные, старались одеться по-мужски: в мужской кепке, в сапогах, иногда в брюках (их в лагере называли “коблами”), и за их любовь, за их внимание остальные женщины в лагере дрались между собой, спорили» [Курман, 2005].

Можно и не говорить о том, что рассказ о возвращении на родину неотступно сопровождается темой несходства советского образа жизни и мышления с тем, к чему привыкли харбинцы, воспитанные в рамках не пролетарской, а дворянской морали. Все названные выше эпизоды и отношение к ним не вписываются в привычные даже для постсоветской литературы каноны. Но Н. Николаева, и это стоит специально отметить, никогда не высказывает сожаления о том, что вернулась на родину, а ее фраза «Любите Россию!» в посвящении к книге – не пустые слова. Эта книга о любви к родине: и к России, и к русскому Китаю, навсегда утраченному, оставшемуся только в воспоминаниях. Именно через такие произведения, как мемуары Н. Николаевой, на наш взгляд, и происходит консолидация общества и обретение им национального самосознания.

Список литературы

- Андерсен Л. Одна на мосту: Стихотворения. Воспоминания. Письма. М.: Русский путь, 2006. 472 с.
- Гончаренко О. Г. Русский Харбин. URL: <https://culture.wikireading.ru/59266> (дата обращения 10.06.2019).
- Дин Сян. Памятники русской архитектуры и культуры в Харбине // Culture and Civilization, 2018, vol. 8, iss. 5A, p. 37–44.
- Забияко А. А., Забияко А. П., Левашко С. С., Хисамутдинов А. А. Русский Харбин. Опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. 461 с.
- Катасонова Е. Л. Как русские и японцы вместе снимали кино // Актуальные проблемы современной Японии. 2017. № 31. С. 228–255.
- Крузенштерн-Петерс Ю. В. Чураевский питомник (о дальневосточных поэтах) // Возрождение. 1968. № 204. С. 45–70.
- Курман М. В. Лагерные воспоминания // Население и общество. 2005. № 209. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0209/nauka03.php> (дата обращения 10.06.2019).
- Ли Иннань. Образ Китая в русской поэзии Харбина // Русская литература XX века: итоги и перспективы изучения: Сб. науч. тр., посвящ. 60-летию проф. В. В. Агеносова. М.: Сов. спорт, 2002. С. 272–285.
- Мельникова И. Чей соловей? Отзвук песен русского Харбина в японском кино // Киноведческие записки. 2010. № 94–95. С. 190–207.
- Мяо Хуэй. Русская эмиграция в Харбине: взаимодействие двух культур // Гуманитарный вектор. 2015. № 2 (42). С. 128–135.
- Николаева Н. Японцы. Огре, 2016. 352 с.
- Пильняк Б., Беляев С. Мясо // Новый мир. 1936. № 3. С. 21–43.
- Пригов Д. А. Катя китайская // Пригов Д. А. Собр. соч.: В 5 т. М.: НЛЮ, 2013. Т. 1: Монады. С. 601–766.
- Русская поэзия Китая: Антология / Сост. В. П. Крейд, О. М. Бакич. М.: Время, 2001. 720 с.
- Слободчиков В. А. О судьбе изгнанников печальной...: Харбин. Шанхай. М.: Центрполиграф, 2005. 429 с.
- Шевцова Т. И. Русская архитектура за рубежом. Харбин далекий и близкий // Санкт-Петербургская панорама. 1993. № 9. С. 32–34.

Russian poetry and literary life in Harbin and Shanghai, 1930–1950. The Memoirs of Valeriy Perelesin. Amsterdam, 1987, 159 p.

References

- Andersen L.** Odnа na mostu: Stikhotvoreniya. Vospominaniya. Pis'ma [One on the Bridge: Poems. Memories. Letters]. Moscow, Russian Way Publ., 2006, 472 p. (in Russ.)
- Din Syan.** Pamyatniki russkoi arkhitektury i kul'tury v Kharbine [The Monuments of Russian Architecture and Culture in Harbin]. *Culture and Civilization*, 2018, vol. 8, iss. 5A, p. 37–44. (in Russ.)
- Goncharenko O. G.** Russkiy Kharbin [Russian Harbin]. URL: <https://culture.wikireading.ru/59266> (accessed 10.06.2019). (in Russ.)
- Katasonova E. L.** Kak russkie i yaponsky vmeste snimali kino [How Russians and Japanese Filmed Movies Together]. *Aktual'nye problemy sovremennoi Yaponii* [Actual Problems of Modern Japan], 2017, no. 31, p. 228–255. (in Russ.)
- Kruzenshtern-Peterets Yu. V.** Churaevskiy pitomnik (o dal'nevostochnykh poetakh) [Churaevka's Nursery (about Far Eastern Poets)]. *Vozrozhdenie* [Rebirth], 1968, no. 204, p. 45–70. (in Russ.)
- Kurman M. V.** Lagernye vospominaniya [Prison Memories]. *Naselenie i obshchestvo* [Population and Society], 2005, no. 209. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0209/nauka03.php> (accessed 10.06.2019). (in Russ.)
- Li Innan.** Obraz Kitaya v russkoy poezii [The Image of China in Russian Poetry of Harbin] *Russkaya literatura XX veka: itogi i perspektivy izucheniya* [Russian Literature of the Twentieth Century: Results and Prospects of Study]. Academic Anthology Dedicated to the Sixtieth Anniversary of Prof. V. V. Agnosov. Moscow, Soviet Sport Publ., 2002, p. 272–285. (in Russ.)
- Melnikova I.** Chei solovei? Otvuk pesen russkogo Kharbina v yaponskom kino [Whose Nightingale? The Echo of the Songs of Russian Harbin in Japanese Cinema]. *Kinovedcheskie zapiski* [Cinema Notes], 2010, no. 94–95, p. 190–207. (in Russ.)
- Miao Hui.** Russkaya emigratsiya v Kharbine: vzaimodeystvie dvukh kul'tur [Russian Emigration in Harbin: the Interaction of Two Cultures]. *Gumanitarnyi vektor* [Humanitarian Vector], 2015, no. 2 (42), p. 128–135. (in Russ.)
- Nikolaeva N.** Yaponsky [The Japanese]. Ogre, 2016, 352 p. (in Russ.)
- Pilnyak B., Belyaev S.** Myaso [Meat]. *Novyi mir* [New World], 1936, no. 3, p. 21–43. (in Russ.)
- Prigov D. A.** Katya kitayskaya [Katya Chinese]. In: Prigov D. A. Collected Works. In 5 vols. Moscow, NLO Publ., 2013, vol. 1: The Monady, p. 601–766. (in Russ.)
- Russian poetry and literary life in Harbin and Shanghai, 1930–1950. The Memoirs of Valeriy Perelesin. Amsterdam, 1987, 159 p.
- Russkaya poeziya Kitaya: Antologiya [Russian Poetry of China: Anthology]. Moscow, Time Publ., 2001, 720 p. (in Russ.)
- Shevtsova T. I.** Russkaya arkhitektura za rubezhom. Kharbin dalekii i blizkii [Russian Architecture Abroad. Harbin Far and Near]. *Sankt-Peterburgskaya panorama* [St. Petersburg Panorama], 1993, no. 9, p. 32–34. (in Russ.)
- Slobodchikov V. A.** O sud'be izgnannikov pechal'noi...: Kharbin. Shankhay [On the Sad Fate of Exiles... Harbin. Shanghai]. Moscow, Poligraf Centre Publ., 2005, 429 p. (in Russ.)
- Zabiyako A. A., Zabiyako A. P., Levoshko S. S., Khisamutdinov A. A.** Russkiy Kharbin. Opyt zhiznestroitel'stva v usloviyakh dal'nevostochnogo frontira [Russian Harbin. Life Experience in the Far Eastern Frontier]. Blagoveshchensk, Amur State Uni. Press, 2015, 461 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received
27.04.2020

Сведения об авторах

Капинос Елена Владимировна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
dzerv@mail.ru

Прокураина Елена Николаевна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник
Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
proskurina_elena@mail.ru

Information about the Authors

Elena V. Kapinos, Leading Researcher, PhD Institute of Philology of the Siberian Branch of the
Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
dzerv@mail.ru

Elena N. Proskurina, Doctor of Philology, Chief Researcher of the Section of Literary Studies of
the Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosi-
birsk, Russian Federation)
proskurina_elena@mail.ru